

Он любил старательных учеников, поэтому не удержался и дал Цуй Се еще один совет:

— Через несколько дней вам предстоит повторный разбор лекции. В тот день не обязательно строго следовать всему, что я говорил на занятии. Я в основном объяснял общий смысл, разбавив его своими соображениями, накопившимися за годы изучения трудов великих знатоков канонов эпох Хань, Тан и Сун. Но вы, ученики, пока мало читали комментарии древних мудрецов и еще не способны предложить собственные толкования. Если вы попытаетесь, как и я, рассуждать о высоком смысле, то лишь повторите сегодняшнюю лекцию. Лучше начните с филологического анализа и фонетики, досконально освоите основы — тогда в ваших словах появится смысл.

Цуй Се внимательно всё записал, с почтением проводил доктора и принялся за ежедневную обязательную работу — каллиграфию.

Независимо от того, выпадал ли день на обсуждение, заучивание наизусть или повторение лекций, каждый день требовалось переписать пропись в шестнадцать строк по шестнадцать иероглифов в каждой. За небрежно выполненную работу староста должен был всыпать «десять ударов плетью». Хотя сейчас в Гоцзыцзянь правила соблюдались не так строго и старосте было неловко бить сокурсников, работы всего класса все равно проходили через его руки, и написать плохо было стыдно перед другими.

Он выводил иероглифы с таким усердием, будто сдавал экзамен. Соседние студиясы, с которыми он был мало знаком, пока отложили каллиграфию и попросили у него конспекты, чтобы успеть переписать их до конца занятий и вернуть владельцу.

Он подвинул им сшитую гармошкой тетрадь с записями и великодушно сказал:

— Берите и переписывайте, только не отвлекайтесь от главных дел. Я все запомнил, мне не к спеху.

В его голове оставался жесткий диск — его чит-код, все конспекты уже отпечатались в формате PDF, так что дома он мог спокойно переписать их с диска.

Однако студиясы решили, что он действительно обладает феноменальной памятью, и с тайной завистью вздохнули:

— Этот юноша столь одарен от природы и при этом так трудится! Нам, старшим, остается лишь уступить ему дорогу и дать вырваться вперед.

Им было неудобно уносить чужие записи в свои комнаты. Обменявшись вежливыми фразами, они развернули тетрадь-гармошку и стали списывать каждый свой кусок, чтобы потом собрать полный текст. Когда староста Чжан проходил с дозором, он не стал их строго ограничивать, а лишь попросил не шуметь и не мешать остальным. В итоге желающих переписать конспект становилось все больше, и дело пошло куда быстрее.

Когда Цуй Се закончил писать страницу прописи и собрался сдать работу, ученики уже полностью переписали его конспект и вернули оригинал.

«Они же пишут кистью, с какой невероятной скоростью у них работают руки! Или у них настолько хорошая память, что дополнять пришлось совсем немного!» — невольно восхитился Цуй Се. Ученики Гоцзыцзянь и впрямь скрывают в себе тигров и драконов. В будущем придется стараться вдвое больше, чтобы никто не смеялся, будто он попал сюда по блату.

Вернувшись после упорных занятий из Гоцзыцзянь, дома он снова столкнулся с ворохом бытовых дел, требовавших его решения.

Трое управляющих принесли лучшие товары из своих лавок. Из лавки южных товаров принесли сушеные деликатесы: акулы плавники, мидии, морские гребешки, а также сладости «драконья борода» и засахаренные фрукты из Сучжоу и Ханчжоу. Из лавки косметики — коричневую пудру, белила, лосьоны, хлопковую и восковую румяна, ароматические цветочные масла для волос, а также настоящую розовую воду, привезенную, как утверждалось, из-за моря. Из лавки шелка — сычуаньскую парчу, ханчжоуский шелк, бархат, узорчатый дамаст и атлас, а также тонкий сунский шелк и ткань в три челнока из Сунцзяна...

Цуй Се внимательно рассматривал вещи, время от времени спрашивал названия и цены, а на то, что особенно нравилось, бросал долгие взгляды.

Например, отрез ярко-красного бархата отличался чистым, насыщенным цветом и красивым блеском. Будь это в современном мире, он сшил бы из него почетное знамя и отправил в ямэнь Северной канцелярии с надписью: «Служба на благо общества, закон — на защите народа». Жаль только, что сейчас он был скован сыновней почтительностью и не мог подарить Цзиньивэй знамя за то, что они вынесли приговор его бывшей госпоже Сюй. Придется подождать подходящего случая.

С сожалением отложив бархат, он взглянул на отрез узорчатого дамаста.

Этот отрез тоже был ярко-красным, приятным на ощупь, легким и мягким — в самый раз для пошива одежды на текущий сезон. Ему всегда казалось, что ярко-красный халат-еса у Цзиньивэй выглядит очень красиво, ведь зеленый идет далеко не каждому. Если сшить из такой ткани ярко-красный халат-еса, а воротник оторочить белоснежным блестящим шелком...

А если еще сесть на белого коня — вообще красота.

Цуй Ляндун, заметив, что молодому господину приглянулись некоторые вещи, подскочил с угодливой улыбкой:

— Молодой господин, я лично следил, чтобы они отобрали самое лучшее! Не желаете ли оставить что-то для себя или поднести в знак сыновней почтительности старому господину и госпоже Сун?

Все равно вещи принадлежат дому, платить за них не нужно, а молодой господин запомнит его старательность и рвение.

Услышав его слова, трое управляющих перепугались, как бы Цуй Ляндун не присвоил себе всю заслугу за бесплатные подарки, и поспешили заверить, что принесли эти товары исключительно из желания порадовать хозяина.

Цуй Се первоначально хотел лишь посмотреть, чем торгуют лавки, но, увидав качественные вещи, призадумался о подарке. Еда и напитки не годились: цяньху Се — человек утонченный, дарить еду слишком вульгарно. Куда лучше подарить флакон розовой воды, пару горшков свежих цветов, да еще комплект халата-еса...

Хотя нет, с одеждой легко ошибиться в размере, лучше подарить ткань.

Но с другой стороны, у того дома наверняка нет недостатка в ткани. Что, если материал пролежит на дне сундука и из него ничего не сшьют?

Может, прикинуть его фигуру и сшить наряд с летучей рыбой в стиле усовершенствованных костюмов из фильмов? По крайней мере, он хотя бы примерит его?

Интересно, остался ли у него на жестком диске фильм «Новая харчевня "Лунмэнь"» с Мэгги Чун? Наряды с летучей рыбой оттуда смотрелись весьма стильно и отлично подчеркивали фигуру. Даже если этого фильма нет, в папке с кантонскими фильмами вроде лежали файлы, начинающиеся на «Цзинь Пин». В фильмах про эпоху Мин наверняка должны появляться Цзиньивэй!

Немного подумав, он указал на нужные вещи и с улыбкой сказал:

— Оставьте вот это, мне нужно собрать подарок. Но брать товар из лавок даром я не стану, завтра переведу вам серебро.

Цуй Ляндун спешно запротестовал:

— Все это добро принадлежит нашей семье! Как мы можем брать серебро у старшего молодого господина!

Цуй Се покачал головой.

Он собирался делать подарок от своего имени, так с какой стати забирать имущество семьи Цуй?

У него имелась книжная лавка, тогда как домочадцы семьи Цуй от мала до велика зависели от доходов этих трех лавок. Тратить деньги советника Цуй ему было ничуть не жаль, но мог ли он забирать чужое серебро на подарки, вынуждая неспособных зарабатывать стариков и больных экономно ютиться в задних покоях?

Он распорядился:

— Запишите стоимость этих вещей в книги. В последнее время всем приходится несладко, поэтому отчетность должна быть безупречной. Если кто-то еще заберет товар из лавки — неважно, я или другие, — пусть платит. Если денег нет, записывайте в долг и докладывайте мне. На сегодня всё, возвращайтесь и тщательно проработайте свои планы, я буду ждать.

Трое управляющих пришли с подарками в надежде умаслить его, как делали во времена правления госпожи Сюй, чтобы спокойно сохранить за собой должности. Однако они и представить не могли, что не увернутся от пятилетнего плана, и уныло понурившись поплелись восвояси.

На следующий день в Гоцзыцзянь наступил выходной. Сложив дань уважения Конфуцию утренним ритуалом, ученики отправлялись на отдых. Цуй Се заранее велел приготовить экипаж, поставив внутрь несколько флаконов розовой воды и два горшка с орхидеями редких сортов. Выйдя из учебного корпуса после занятий, он осмотрелся и заметил Цуй Ци, выглядывавшего у ворот Гоцзыцзянь.

Сегодня юноша, похоже, нарядился по-особому: на нем был сине-зеленый халат чжишань и мягкий головной убор. От всей его фигуры веяло некоторой зрелостью — будто за пару дней работы он резко повзрослел.

У Цуй Се невольно возникло чувство гордости родителя за повзрослевшего ребенка. Он отошел туда, где его было хорошо видно, и помахал рукой. Цуй Ци тут же заметил его и со всех ног

бросился навстречу. Его порывистость ничуть не изменилась, а недавнее ощущение зрелости показалось Цуй Се банальной иллюзией.

Малыш Цуй Ци подбежал и радостно воскликнул:

— Брат, ты вышел! Младший управляющий Цзи тоже пришел со мной, у него к тебе куча дел!

Цуй Се погладил его по мягкому убору и улыбнулся:

— У меня как раз тоже есть разговор. Но сначала мне нужно отвезти подарок одному человеку. Поехали со мной, а на обратном пути найдем место и спокойно поболтаем.

Еще со времени, когда он посылал Цуй Юаня в столицу с подарками, Цуй Се запомнил адрес цяньху Се.

По-хорошему, следовало нанести ему визит сразу по прибытии в столицу. Однако в этот раз он вернулся из-за того судебного дела, а по приезде его захлестнула кутерьма: то репетиции церемоний в Министерстве ритуалов, то аудиенция во дворце, то поездка на родину для поминовения предков... К тому же дома путался под ногами компилятор Цуй, и, опасаясь лишних осложнений, он откладывал визит. Теперь советник Цуй уехал на службу в Юньнань, да и в Гоцзыцзянь как раз выпал выходной — самое время для нанесения визитов. А дела книжного магазина вполне могли подождать.

<http://bllate.org/book/18372/1761348>